

## Научная жизнь

### 300 лет российского китаеведения глазами китайского ученого

© 2009

А. Алексанян, С. Горбунова

Авторами предпринята попытка проанализировать содержание книги профессора Пекинского университета Ли Минбиня "История российской синологии" в контексте развития отечественной историографии в области китаеведения. Целесообразность подобного рода компаративистского подхода обусловлена тем, что в указанной монографии содержится детальное и комплексное описание изысканий российского китаеведения в области литературы, истории, философии и других дисциплин в разные периоды нашей истории.

*Ключевые слова: синология, историография российская и китайская.*

В 2008 г. с предисловием академика С.Л. Тихвинского в г. Чжэнчжоу (КНР) вышел комплексный историографическо-библиографический труд "История российского китаеведения" ("Элосы ханьсюэ ши". Дасян чубаньшэ). Его автор — известный специалист, профессор Пекинского университета Ли Минбинь. Хронологические рамки исследования охватывают главным образом XVIII—XX вв. Вместе с тем, очерчивая предысторию и культурные основания российской синологии, а также ее перспективы, автор монографии выходит за эти пределы: он фактически начинает свой труд с "времен древней письменности и сказаний"<sup>1</sup> — IX в., одновременно не оставляя без внимания основные тенденции развития указанной области знаний в России в первые годы нынешнего столетия.

Поскольку источниковедческая база и реализация замысла данной работы во многом зависели от степени изученности российского (в том числе дореволюционного и советского) китаеведения учеными нашей страны, целесообразно хотя бы кратко остановиться на достижениях отечественной историографии в этой сфере.

Начало такого рода изысканиям в области отечественной ориенталистики, в том числе китаеведения, положило изданное в 1911 г. монографическое компаративистское исследование В.В. Бартольда<sup>2</sup>, о котором в востоковедении сложилось мнение

---

Алексанян Армен Гургенович, кандидат философских наук, научный сотрудник ИДВ РАН. Тел. 8(916) 647-61-21.

Горбунова Светлана Алексеевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: SAgorbunova@mail.ru. Тел. 8(903) 967-40-83.

как о родоначальнике историографической науки<sup>3</sup>. В 1930-е гг. в СССР под влиянием этой работы подобной тематике был посвящен целый ряд статей.

Подлинный подъем историографии отечественного китаеведения относится к 1960—1980-м гг. Знаковым явлением периода “оттепели”, способствовавшей оживлению синологических исследований, стала изданная в 1960 г. “Библиография Китая” П.Е. Скачкова. Памяти этого выдающегося синоведа был посвящен историографический труд В.Н. Никифорова “Советские историки о проблемах Китая”, вышедший десять лет спустя<sup>4</sup>. И по сей день книга В.Н. Никифорова остается единственным в России комплексным монографическим исследованием в области историографии отечественного китаеведения. К сожалению, профессор Ли Минбинь не уделил достаточного внимания методологическим подходам этого ученого.

Состоявшаяся в 1966 г. Межвузовская научная конференция по вопросам истории стран Азии и Африки в советской историографии дала существенный импульс соответствующим синологическим исследованиям. Активное участие в ней принимали известные китаеведы, например Л.С. Переломов, Л.В. Симоновская<sup>5</sup> и др. Сведения о российских синоведах были включены в “Библиографический словарь советских востоковедов”, подготовленный С.Д. Милибанд в 1975 г. и неоднократно обновлявшийся и дополнявшийся с тех пор, а также в библиографический указатель по китайской литературе, составленный И.К. Глаголевой. В число наиболее заметных работ этого периода входят фундаментальный труд Д.Н. Воскресенского об изданиях и изучении китайской литературы в СССР, историографический сборник, изданный в 1983 г. в Институте Дальнего Востока по итогам всесоюзной китаеведческой конференции, статья академика С.Л. Тихвинского об отечественной историографии средневекового Китая (1987)<sup>6</sup>.

В 90-е гг. XX в. в области изучения достижений отечественных китаеведов наступил застой. Отсутствие исследовательских работ отчасти компенсировали лишь библиографические справочники, подготовленные в академических учреждениях — Институте Дальнего Востока, Институте востоковедения и Институте информации по общественным наукам РАН<sup>7</sup>.

В начале XXI столетия в этой области наметились позитивные изменения. Появился ряд обобщающих историографических работ. Так, основные достижения специалистов такого крупного синологического центра, как ИДВ РАН, были отражены в статье академика М.Л. Титаренко “Во имя науки и обеспечения интересов страны”, а также в библиографическом словаре сотрудников Института (1996—2006 гг.), вошедших в справочник, посвященный 50-летию ИДВ<sup>8</sup>. В цикле статей, опубликованных в связи с этой датой в 2005—2006 гг. в журнале “Проблемы Дальнего Востока”, был сделан историографический обзор трудов сотрудников ИДВ РАН по аграрной, политико-юридической, экономической, исторической проблематикам, а также по вопросам традиционной китайской культуры<sup>9</sup>.

Современные подходы к изучению отечественной синологии прослеживаются в сборнике “Образ Китая в современной России” (под редакцией Н.Л. Мамаевой), в который вошли статьи М.Л. Титаренко (“О роли российского китаеведения в развитии диалога российской и китайской цивилизаций”), Л.М. Гудошниковой и А.Г. Степановой (“Российские центры китаеведения: основные направления исследований в конце 1990-х гг.”) и других<sup>10</sup>. Емкие характеристики основных тенденций в синологическом литературоведении последнего десятилетия предложила К.И. Голыгина для третьего тома издана “Духовная культура Китая”<sup>11</sup>. Научные позиции китаеведов-историков в разные периоды рассматриваются в статье В.М. Хачатуряна “Образ древнекитайской цивилизации в российской историографии 1990-х гг. (концепции государственности)”<sup>12</sup>. Немало материалов по историографии отечественной синологии можно найти в Интернете. В частности,

там размещена работа А.А. Маслова “Развитие китаеведения в России”<sup>13</sup>. Однако большая часть трудов по этой тематике из-за ограниченности тиражей и разрушения после распада СССР системы книгообмена с зарубежными странами осталась вне поля зрения зарубежных, в том числе, китайских коллег.

Отсутствием фундаментальных трудов о современном отечественном китаеведении на русском языке обусловлена основная трудность, с которой сталкиваются зарубежные историографы. В их числе — китайские ученые, проявляющие в последние годы значительный интерес к российскому китаеведению. Этот новый период изучения зарубежных китаеведческих исследований они характеризуют как “этап более глубокого предметного исследования”, освобождения “от идейно-политических препон”, мешавших объективным оценкам достижений синологов других стран<sup>14</sup>. Среди работ по данной тематике стоит особо отметить такие комплексные историографические работы, как подготовленное в Институте истории партии при ЦК КПК “Обозрение зарубежных исследований по истории КПК” (первая глава посвящена изучению истории Компартии Китая в СССР и России), составленный в Академии общественных наук КНР труд “Изучение современного зарубежного китаеведения” (в девятой главе рассматривается российская синология), а также фундаментальную монографию Янь Годуна “История российского китаеведения”<sup>15</sup> (1-й том, освещающий ситуацию до 1917 г., вышел в 2006 г., второй готовится к печати). Кроме того, в КНР с 2007 г. по инициативе профессора Янь Чжуньдэ (Пекинский университет языка и культуры) и Чэнь Кайкэ (Институт новой истории АОН КНР) выходит серия трудов по изучению зарубежного китаеведения. В нее уже вошли “Три века российского китаеведения” Янь Годуна, “Изучение достижений Палладия в китаеведении” Чэнь Кайкэ, “В.П. Васильев и Китай” Чжай Чжуньмэя, “Н.Я. Бичурин и исследование его китаеведческих трудов” Ли Вэйли<sup>16</sup>.

Заметное место среди этих работ занимает труд Ли Минбиня, состоящий из шести глав и, помимо введения, послесловия и библиографии, включающий приложение с биографическими сведениями о российских синологах.

Первая глава книги — “Истоки российской китаистики (IX—XVIII вв.)” — посвящена предыстории и самому началу изучения Китая в России. Говоря о периоде проникновения первых сведений о Китае в русскую культурную среду, автор отмечает соединение в ней элементов традиций Востока и Запада, особое значение Православия для формирования ее основ<sup>17</sup>. В качестве источников информации о Китае, поначалу носившие преимущественно характер легенд, он упоминает “Хождение за три моря” Афанасия Никитина (1472), предания о Среднем государстве, распространявшиеся благодаря купцам, контактировавшим с Китаем через страны Средней Азии, повествования западных путешественников, а также непосредственные контакты русских людей с жителями Китайской империи.

Периоду “chinoiserie” — своего рода “помешательству на Китае”<sup>18</sup>, повальному увлечению всем китайским (преимущественно предметами искусства), охватившему с XVII в. страны Западной Европы, посвящен раздел “Начало моды на Китай”. В XVIII в. это мода достигла России. Туда приезжают западноевропейские синологи, в стране появляются переводы китайских сочинений с западноевропейских языков, ряд русских писателей и поэтов пишет в “подражание китайскому”, прославляя вслед за французскими просветителями Китай как страну мудрецов и справедливого правления<sup>19</sup>.

Раздел, озаглавленный “Первые книги на русском языке, знакомящие с Китаем”, посвящен трудам дипломата и ученого Н.Г. Спафария (1636—1708), оставившего подробные описания своего посольства в Китае, в которых сообщают-

ся сведения о географии и культуре этой страны. Сочинения Спафария, считает китайский автор, стали одним из элементов фундамента российской синологии<sup>20</sup>.

Ли Минбинь особо отмечает вклад, который своими переводами и трудами внесли в становление российской китаеведческой традиции члены основанной в 1715 г. Русской Духовной Миссии в Пекине<sup>21</sup>. Точкой отсчета истории научного изучения Китая в России он обоснованно предлагает считать переводческую и преподавательскую деятельность прошедших через Русскую духовную Миссию И.К. Россохина (первая пол. XVIII в.) и А.Л. Леонтьева, а также Г. Миллера. Наиболее высоко Ли Минбинь оценивает достижения известного знатока китайского и маньчжурского языков А.Л. Леонтьева. Среди его основных трудов автор упоминает переводы не только исторических сочинений, но и таких важных памятников духовной культуры Китая, как “Да сюэ” (выполнен в 1780 г.), “Чжун юн” (1784 г.) и ряд других<sup>22</sup>.

Во второй главе — “Эпоха Бичурина (первая половина XIX в.)” — рассматривается зарождение в России собственно научного китаеведения. Его основателем Ли Минбинь справедливо называет архимандрита Иакинфа (Н.Я. Бичурина, 1777—1853)<sup>23</sup>. Разделяя сложившееся мнение о Бичурине как основоположнике русской китаистики, автор останавливается на биографии и трудах Иакинфа и даже касается его непростых отношений с церковными властями. Говоря о вкладе Н.Я. Бичурина в отечественную синологию, Ли Минбинь разделяет его труды на три категории: 1) учебная литература (“Тонический китайско-русский словарь в девяти томах”, “Описание Пекина”); 2) географические и этнографические описания Китая и сопредельных земель (“Описание Тибета...”, “Религия ученых и ее обряды”), переводы письменных памятников (“Сань цзы цзин”, неизданное “Четверокнижие”); 3) языковедческие работы (в частности, первая китайская грамматика на русском языке)<sup>24</sup>.

Обращаясь к личности и научным достижениям “монаха, надолго оставшегося в Китае”, выдающегося сиолога архимандрита Палладия (П.И. Кафарова, 1817—1878), автор отмечает значение для российской синологии одного из важнейших трудов этого ученого — доработанного и изданного уже после его кончины “Китайско-русского словаря” (1888), известного китаистам как “Палладий”. Помимо перевода и исследования исторических произведений (“Тайная история монголов” и т.д.), путевых заметок и этнографических очерков Ли Минбинь указывает религиозно-научные труды Палладия “Жизнеописание Будды”, “Исторический очерк буддизма”, “Старинные следы христианства в Китае”, “Китайская литература магометан”<sup>25</sup>.

В составе пекинской миссии работали и три ключевые, по мнению Ли Минбиня, фигуры русской китаистики начала и середины XIX в. Это П.И. Каменский (1765—1845), автор и составитель ряда китайско-русских и маньчжурско-русских словарей, переводчик “Журнала Тулишена-посла через Россию”; И.И. Захаров (1814—1864), создатель “Полного маньчжурско-русского словаря”, не утратившего своей ценности до настоящего времени; К.А. Скачков (1821—1883), автор целого ряда этнографических и культуроведческих очерков (“Деревенский быт. Списан с натуры с Вэнь цюань сянь, местность называется Шиво”, “Беседы о сельском хозяйстве в Китае”, “О географических познаниях китайцев”) и один из первых переводчиков китайской художественной литературы на русский язык (Перевод романа “Чжоу чао леги чжи”)<sup>26</sup>.

Называя Казанский университет “колыбелью китаеведения” в России, Ли Минбинь рассказывает об открытии там в 1837 г. кафедры китаистики, давшей отечественной синологии таких ученых, как Д.П. Сивиллов, А. Ристницкий, О. Войцеховский, И. Каримов. Их китаеведческие достижения воплотились в хрестоматии по китайскому языку, переводах (к сожалению, неопубликованных) классических китайских произведений (“Четверокнижие”, “Шу цзин”, “Мэн-цзы”), учебных пособий<sup>27</sup>.

Значительный раздел работы посвящен русской буддологической школе, родоначальником которой был востоковед с мировым именем, ученик известного русского индолога И.П. Минаева Ф.И. Щербатской (1886—1942). Он привлек внимание автора тем, что в сферу научных интересов русского исследователя входили буддийская философия и культура как Индии, так и Дальнего Востока (значительная часть его работ написана на английском языке, чтобы сделать их доступными ученым всего мира). Вторая часть трилогии Ф.И. Щербатского “The Buddhist Nirvana”<sup>28</sup>, изданная в Ленинграде в 1927 г., полностью посвящена анализу доктрины Махаяны — “Великой Колесницы”, направления буддизма, получившего особенно широкое распространение в странах дальневосточного региона. Ли Минбинь отмечает, что Щербатской и его ученики “привлекли новые источники на санскрите, китайском, тибетском и японском языках, сделав возможным создание русской школы в буддологии, вклад которой стал общепризнанным в мире”<sup>29</sup>.

Данный шаг в развитии российской синологии явился закономерным продолжением работы по переводу китайских буддийских текстов, начатой известным китаеведом профессором В.П. Васильевым (1818—1900). Ли Минбинь высоко оценивает вклад этого ученого в становление традиций художественного перевода китайских литературных произведений в России.

Важное место в дореволюционном китаеведении отводит Ли Минбинь и ученику В.П. Васильева С.М. Георгиевскому, которого В.Н. Никифоров охарактеризовал как “первого русского историка Китая “в полном смысле слова””<sup>30</sup>. Ли Минбинь акцентирует внимание на другом направлении научной деятельности Георгиевского, который стал пионером изучения мифологии в русском китаеведении, “выражая собственную точку зрения”<sup>31</sup>. Отметим, что выпущенная в 1892 г. книга С.М. Георгиевского стала первым трудом не только в России, но и в мире, специально посвященным древнекитайской мифологии<sup>32</sup>.

Обращаясь к советскому периоду — новой эпохе развития китаеведения в нашей стране, — Ли Минбинь особо выделяет в первой половине XX в. этап, связанный с деятельностью выдающегося синоведа академика В. М. Алексеева, который, по определению К.И. Гольгиной, вывел синологию “за пределы университетских стен, придав ей академический характер”<sup>33</sup>. Китайский ученый прежде всего отмечает заслуги В.М. Алексеева как исследователя, который в процессе изучения традиционной литературы Китая комплексно подходил к синологии<sup>34</sup>.

В соответствии со своим профессиональным интересом автор проявляет особый пиетет к достижениям российских китаистов в области переводов и исследований классических и современных китайских литературных произведений. Этой тематике посвящено более трети его книги. Переводческая и литературоведческая традиция российской синологии прослеживается им на протяжении нескольких десятилетий, начиная с 1950-х гг., которые ознаменовались переводом на русский язык древнекитайского поэтического свода “Ши цзин” (“Книга песен”), выполненным А.А. Штукиным; изданием четырехтомной “Антологии китайской поэзии” (под ред. Л.З. Эйдлина) и ознакомлением русскоязычных читателей с творчеством китайских поэтов (Бо Цзюйи, Ду Фу, Цюй Юаня); титаническим трудом А.П. Рогачева, В.А. Панасюка, Д.Н. Воскресенского и других синоведа, осуществивших переводы классических китайских средневековых романов “Троецарствие”, “Речные заводы”, “Сон в красном тереме”, “Неофициальная история конфуцианцев”, а также ряда произведений современных авторов (сборники “Цветы в зеркале”, “Цветы в море зла”). В тот же период появляются весьма удачные, по мнению Ли Минбиня, общие очерки по китайской литературе, написанные Л.Д. Позднеевой и В.Ф. Сорокиным<sup>35</sup>.

Ли Минбинь особо подчеркивает, что, несмотря на “охлаждение” отношений между СССР и КНР, 1960—1970-е гг. в области литературы оказались не менее плодотворными, чем предшествующие. Продолжали выходить переводы поэзии (Тао Юаньмин, Цао Чжи, Су Дунпо), средневековых повестей и рассказов (сборники “Записки о поисках духов”, “Удивительные истории нашего времени и древности”), романов (“Цветы сливы в золотой вазе”), исторических и географических сочинений (первые тома “Исторических записок” Сыма Цяня, “Каталог гор и морей”), произведений драматургии династии Юань, современных китайских авторов (сборники “Дождливая аллея”, “Пятая стража”). Не менее интенсивно, чем прежде, отечественные китаисты, такие как Н.И. Конрад, И.С. Лисевич, Л.Е. Померанцева, занимались исследованием китайской теории литературы и средневековой словесности. Отдельно автор останавливается на трудах В.Ф. Сорокина по истории и теории китайской классической драмы<sup>36</sup>. Что касается 1980-х гг., то Ли Минбинь отмечает созданные в тот период переводы и исследования современной китайской литературы (прежде всего касающиеся творчества таких авторов, как Ван Мэн и Фэн Цзицай)<sup>37</sup>.

Особое значение в книге придается работам академика Б.Л. Рифтина. Помимо исследований генезиса эпического китайского романа, этот российский ученый известен переводами произведений китайской изящной словесности и крупным вкладом в изучение китайского фольклора. В частности, как пишет Ли Минбинь, он инициировал процесс становления в российской синологии “мифологического и фольклористического литературоведения”<sup>38</sup>.

Вторую половину XX в. применительно к советскому/российскому китаеведению автор образно называет временем “блистающих звезд”, первыми в ряду которых он называет академиков РАН С.Л. Тихвинского, М.Л. Титаренко, В.С. Мясникова<sup>39</sup>. Выделяя в качестве особенности этого этапа интерес сиологов к политике и философии, Ли Минбинь специально останавливается на ряде трудов по китайской философии: вышедшей в 1972—1973 гг. двухтомной антологии “Древнекитайская философия”; изданной 12 лет спустя книге М.Л. Титаренко “Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение”; выпущенном в 1994 г. под его же редакцией первом подготовленном за пределами Китая энциклопедическом словаре “Китайская философия”<sup>40</sup>. Ли Минбинь упомянул также уникальный проект по изданию энциклопедии “Духовная культура Китая”, который в настоящее время близится к завершению. Как фундаментальные философские труды оценены работы китаеведов М.Л. Титаренко, Ю.Л. Кроля, В.Г. Бурова, А.И. Кобзева и других.

Специальный раздел Ли Минбинь посвящает феномену изучения конфуцианства в России. Особое внимание уделяется научному творчеству “московского Конфуция” — Л.С. Переломова. Отражены основные векторы его исследовательской деятельности, среди научных заслуг особо отмечена работа по переводу и исследованию “Лунь юя” — текста, в котором излагаются высказывания Учителя китайской нации. Ли Минбинь указывает на присущее российскому синологу глубокое проникновение в суть изучаемых духовных феноменов, важность разрабатываемой им проблемы передачи на русский язык специфической конфуцианской терминологии<sup>41</sup>. В области изучения конфуцианства Ли Минбинь упоминает также труды В.В. Малявина.

Ни в коей мере не противопоставляя московскую и ленинградскую синологические школы, автор тем не менее суммировал достижения ленинградских/петербургских ученых по семи научным направлениям: история, этнография, философия, искусство, дунхуановедение, тангутоведение, языковедение Китая. Особо отмечены вклад Ю.Л. Кроля в развитие исторической науки и И.С. Гуревич — в языковедческие исследования. Отдельно рассматриваются заслуги

Л.Н. Меньшикова в области изучения и издания китайских документов из Дуньхуана, хранящихся в российских фондах<sup>42</sup>.

Автор не оставил без внимания и развитие тангутоведения в России, указав на достижения К.Б. Кепинг и Е.И. Кычанова, которые осуществили исследования и переводы важных исторических текстов (“Лес категорий”, “Море писем”), описали грамматику тангутского языка и составили очерк истории тангутского государства<sup>43</sup>.

Выделив в истории развития советского/российского китаеведения, которое, как подчеркивает Ли Минбинь, “издавна состояло на службе государства”<sup>44</sup>, с середины XX в. три периода: 1950-е, 1960—1970-е и 1980—1990-е гг., автор предпринимает попытку обобщить его достижения применительно к изучению политики, экономики, истории, философии, культуры и искусства Китая.

1. По мнению Ли Минбиня, с 1950-х гг. советские китаеведы быстро усваивали ситуацию в новом Китае и оперативно подвергали анализу его социальные и экономические реалии. В 1960—1970-х гг. основное внимание синологи уделяли изменениям, происходившим в китайском обществе. С наступлением 1980-х гг. главным направлением исследований стало последовательное изучение политики “реформ и открытости” в КНР, прогнозирование как достижений, так и проблем экономических преобразований. Причем китаеведы, полагает Ли Минбинь, надеялись, что изучение реформ в Китае, его позитивного опыта поможет продвинуть реформы в России<sup>45</sup>.

2. На современном этапе, считает Ли Минбинь, российские синологи стали придавать большее значение изучению китайской философии. В контексте ее связи с традиционной китайской культурой уделяется значительное внимание не только конфуцианству и даосизму, но и исследованию китайских религий, включая буддизм. По мнению Ли Минбиня, интерес к китайской традиционной культуре, в качестве тенденции наметившийся с начала 90-х гг. XX в., привел концу столетия к реальным плодам<sup>46</sup>.

В целом с утверждениями Ли Минбиня согласиться можно, однако в его книге не полностью отражены как последние работы по данной проблематике, так и исследования, выполненные в 1980-е гг.

3. В области исторической науки, подытоживает автор, несмотря на сложности анализа древней, средневековой, новой и новейшей истории Китая, российские китаеведы сумели выйти на новый уровень исследований<sup>47</sup>.

4. Очевидны большие достижения российских ученых в исследованиях литературы, искусства, а также китайской письменности. Их труды, по мнению автора, выделяются в мировом китаеведении системным подходом к анализу культурных реалий<sup>48</sup>.

Хотя вне авторского интереса осталось немало трудов российских китаеведов, обширный фактический материал следует признать сильной стороной книги Ли Минбиня. В ней создана достаточно полная и достоверная картина развития китаеведения в нашей стране до 1990-х гг., подтверждающая мнение автора о серьезном вкладе ученых России в мировую синологию.

90-е годы XX в. представлены в книге слабее, что объясняется, как указывалось выше, отсутствием обобщающих историографических работ на русском языке. С точки зрения концептуального единства книга несколько проигрывает вследствие неоднородности текста: с одной стороны, он лаконичен, информационно насыщен, носит почти библиографический характер, иногда сводится к простому перечислению имен и научных работ; с другой — авторские оценки и обобщения весьма обстоятельны. Несомненным достоинством книги является то, что названия публикаций и имена даются параллельно на русском и китайском язы-

ках. Отдельные опечатки, а также отсутствие дат ухода из жизни некоторых китаеведов не умаляют научного значения работы.

Историография — та теоретическая дисциплина, которая вносит “особенно резко современную точку зрения в осмысление прошлого”<sup>49</sup>. Подход Ли Минбиня к рассматриваемой проблематике отчетливо современен своим стремлением к объективности, дистанцированием от идеологических шаблонов. Автор не только проявляет глубокое знание русского языка и литературы по изучаемому предмету, но и чрезвычайно доброжелательно относится к России и ее культуре. Не случайно профессор Ли Минбинь избран почетным доктором ИДВ РАН.

Труд профессора Ли Минбиня заслуживает высокой оценки также с точки зрения популяризации работ российских синологов в Китае. Выход этой книги накануне проведения в 2009 г. Года русского языка в КНР является заметным вкладом в дело ознакомления китайской общественности с русскоязычной научной литературой.

1. Ли Минбинь. Элосы ханьсюэши [История российского китаеведения]. Чжэнчжоу, 2008.
2. Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. СПб, 1911. Этот труд был переиздан в СССР (изд. 2-е. Л., 1925) и вошел в собрание сочинений ученого: Бартольд В.В. Сочинения. Т. 9. Работы по истории востоковедения. М., 1977.
3. Никифоров В.Н. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970. С. 45, 333—336.
4. Скачков П.Е. Библиография Китая. М., 1960; Никифоров В.Н. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970. С. 45, 333—336.
5. Переломов Л.С. Реформы Шан Яна в советской историографии // Межвузовская научная конференция (1966 г.) по вопросам истории стран Азии и Африки в советской историографии: Тез. докл. М., 1966. С. 34—36; Симоновская Л.В. Проблемы китайского средневековья в советской историографии // Там же. С. 36—38.
6. См.: Милибанд С. Д. Библиографический словарь советских востоковедов. М., 1975; Глаголева И.К. Китайская классическая литература: библиогр. указ. М., 1986; Воскресенский Д.Н. Перевод и исследование китайской литературы в Советском Союзе. М., 1981; Основные итоги и задачи советского китаеведения: докл. и сообщения Второй Всесоюз. Конф. китаеведов. 25—27 янв. 1982 г. Ч. 2. Историография. М., 1983; Тихвинский С. Л. История средневекового Китая в трудах советских синологов // Народы Азии и Африки. М., 1987, № 5. С. 177—184.
7. См.: Институт Дальнего Востока РАН: справочник/ сост. Р.М. Асланов, В.П. Журавлева, А.С. Ипатова; отв. ред. М.Л. Титаренко. М.; Л., 1996; Russian Sinology // European Association of Chinese Studies, Survey. 1996, № 4; Милибанд С. Д. Библиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1995; Китайская философия: энциклопедический словарь/ гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 1994.
8. Институт Дальнего Востока РАН: годы, люди, труды: информ-библиогр. справ./ сост. В.П. Журавлева, А.С. Ипатова, О.Н. Попова. М., 2006.
9. Волкова Л.А. Изучение аграрных проблем КНР в ИДВ РАН // ПДВ. 2005. № 4. С. 88—94; Гудошников Л.М. Исследование политико-юридических проблем Китая в ИДВ РАН // ПДВ. 2005. № 6. С. 31—45; Муромцева З.А. Экономические проблемы Китая в исследованиях ИДВ РАН (1997—2006 гг.) // ПДВ. 2006. № 4. С. 62—70; Переломов Л.С., Кожин П.М. Изучение роли и места традиций в жизни китайского общества в ИДВ РАН // ПДВ. 2006. № 4. С. 57—61; Сорокин В.Ф., Торонцев С. А., Боровская Н.Е. Изучение проблем китайской культуры в ИДВ РАН // ПДВ. 2006. № 1. С. 63—73.
10. Образ Китая в современной России: Некоторые проблемы китайской истории и современной политики КНР в исследованиях российских и зарубежных ученых. М., 2007.
11. Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т.: Литература. Язык и письменность/ гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 2008. С. 176—193.

12. См.: Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 11. М., 2004. С. 131—146.
13. <http://www.russia/org/cn.13.09.2003>.
14. Чэнь Кайкэ. Общий обзор результатов изучения российского китаеведения в Китае после введения политики реформ и открытости // 30 лет реформ в КНР: опыт, проблемы, уроки. Тез. докл. XVII Международ. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». М., 22—24 окт. 2008 г. М., 2008. С. 83—84. Чэнь Кайкэ выделил три этапа изучения российского китаеведения в КНР: конец 1970 — конец 1980-х гг.; 1990-е гг.; начало XXI в. — наст. время. (Там же. С. 82—83).
15. Говай чжунгундан ши яньцзю шупин/ под ред. Лян И, Ли Сянцяня. Пекин, 2005; Дандай говай чжунгосюэ яньцзю/ под ред. Хэ Пэйчжуна. Пекин, 2006; *Янь Годун*. Эго ханьсюэ ши. Т. 1. Пекин, 2006.
16. Чэнь Кайкэ. Указ. соч. С. 84.
17. Ли Минбинь. Указ. соч. С. 2.
18. Там же. С. 4.
19. См.: там же. С. 6—7.
20. Там же. С. 21.
21. Там же. С. 8—13.
22. Там же. С. 17.
23. Там же. С. 22—23.
24. Там же.
25. Там же. С. 30.
26. Там же. С. 34.
27. Там же. С. 35—37.
28. Большая часть его работ была написана на английском языке, что, по его мнению, делало их доступными для ученых всего мира.
29. Ли Минбинь. Указ. соч. С. 59—62.
30. Никифоров В.Н. Указ. соч. С. 15.
31. Ли Минбинь. Указ. соч. С. 63.
32. На это указывает Б.Л. Рифтин, отмечающий также, что книга С. М. Георгиевского переводится в Китае и ей посвящена диссертация Ли Лихуа, аспирантки Нанкинского университета. См.: Духовная культура Китая: Мифология. Религия. М., 2007. С. 25—26.
33. Духовная культура Китая: Литература. Язык и письменность. М., 2008. С. 179.
34. Ли Минбинь. Указ. соч. С. 63.
35. Там же. С. 39—41.
36. Там же. С. 43—49.
37. Там же. С. 149—153.
38. Там же. С. 212—217.
39. Там же. С. 4.
40. Древнекитайская философия: собрание текстов в двух томах/ сост. Ян Хиншун; редкол.: В.Г. Буров, Р.В. Вяткин, М.Л. Титаренко. М., 1972—1973; *Титаренко М.Л.* Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. М., 1985; Китайская философия: энциклопедический словарь/ гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 1994.
41. Ли Минбинь. Указ. соч. С. 172.
42. Там же. С. 159—161.
43. Там же. С. 162—165.
44. Там же. С. 229.
45. Там же. С. 110—111.
46. Там же. С. 112.
47. Там же.
48. Там же.
49. Никифоров В.Н. Указ. соч. С. 330.